

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Пётр СИМУШ

Доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора философии культуры.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: simush@inbox.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛЮЧИМОСТЬ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: КАК ОСВЯЩЕНА ВЕЧНОСТЬЮ?¹

Военное время (1941–1945) через три четверти века выявляет непостижимую русскую ключимость. Качество и свойства России определяются её траекторией двух тысячелетий, а не одним. Поэтому её смысл и таинство Великой Отечественной войны может быть понято только благодаря Св. Писанию. На этом настаивал Н.В. Гоголь, который видел «яснее дня» события отечественной истории сквозь преступления «пред Богом». Говоря гоголевскими словами, «страшный суд Божий» совершился над агрессией Германии. В результате от великой Победы «встрепенётся настоящее» [4].

Философский взгляд автора представлен как концепция: впервые исследовано время великой войны в свете двухтысячелетней траектории Отечества. Она начата св. ап. Андреем Первозванным. Отечественная ключимость трактуется вслед за В.И. Далем. Качественные свойства «ключимых» обобщений находят отражение

---

¹ Предложенная трактовка событий и оценка исторических личностей является авторской и может не совпадать с мнением членов редакционной коллегии и редакционного совета журнала.

в понятиях «русскости», «общерусскости» и «советскости». Вечность освятила военное время, ставшее вершиной священного Духа. Священность войны рассмотрена комплексно, с опорой на историю, науку, религию, философию, искусство.

Ключевые слова: война, двойственная священность, военная ключимость, родина, патриотизм, духовность, благодарственная память, естественность, человечность, информационно-энергетический космос (ИЭК)

Что за Время «во мраке и бездне»

Будучи школьником, услышал 22 июня 1941 г. о начале чего-то неизвестного и страшного. Став в январе 1943 г. красноармейцем, я пережил День Победы в городе Улан-Удэ. Радиооператор-зенитчик не мог знать, что здесь 13 августа 1933 г. родился Павлик Гуревич. Через шесть десятилетий вместе с Павлом Семёновичем мы будем участниками подлой политико-философской борьбы. Оголтельный антисемитизм обернулся для него, выдающегося мыслителя и патриота, преждевременной смертью. Теперь я благодарю П.С. Гуревича за ежедневное напоминание: “Memento more”.

Безразличие к жизни и смерти представляется мне сильным оружием. Таковым оно представляется военному поколению. Духом и плотью принадлежа к нему, я считаю своим долгом исследовать память о нём. Путеводной нитью служит «Философский словарь Владимира Соловьёва» [18, с. 345].

Вместе с миллионами мужчин и женщин мне пришлось пережить самую разрушительную и бесчеловечную трагедию нашей истории. Св. Писание говорит: «Ты положил меня в ров преисподней, во мрак, в бездну» (Пс. 87:7). Сколько раз этот стон боли и страдания исторгался из душ моих современников!

Слово «Священное» долгое время я понимал только как святость, которая признаётся божественной. Помнились Священный союз держав (заключён в 1815 г.) и священные войны.

Проштудировав Словарь Эмиля Бенвениста, к удивлению своему, узнал, что «священное» обнаруживает необычайную лингвистическую ситуацию и двойное обозначение. Это понятие существует в двух видах: положительном и отрицательном. Первое освящено «присутствием божества», второе – это то, «соприкосновение с чем для человека запретно» [3, с. 359].

Предполагаю, что семинарист Сосо Джугашвили догадался о существовании двух видов «священного», его двойном противопоставлении. Революционер Иосиф Сталин, став вождём партии большевиков и Советского Союза, действовал со своим пониманием того, что в жизни государства одушевлено священной силой и священнодействием. Зная также и то, «с чем не позволено вступать в соприкосновение», вождь под диктатом враждебного для СССР «капиталистического окружения» счёл необходимым задействовать власть и силу страха. Что значит жить «в страхе Божиим» – это то, чего церковники добиваются смирением, повиновением и покорностью.

Иосиф Сталин, направляя опыт внутривластной и классовой борьбы, узнавал, как можно держать и воспитывать партию и народ в «страхе Божиим». Ему самому показался весьма полезным образ земного божества.

Полноты правды Отечественной войны невозможно достигнуть без познания личности Сталина и огромного масштаба человеческих страданий. Победа достигнута самопожертвованием неисчислимого множества отдельных лиц. Это даёт право назвать добытые ими победы «чудом»: священность побеждала под Москвой, Сталинградом, Курском, Берлином. «Время в мраке» превращалось во время света [15].

Официальная идеология, которая после убийства С.М. Кирова стала господствовать в СССР, вынужденно уступила своё первенство перед лицом Русской Православной Церкви. В первый день войны митрополит Сергей (Страгородский) обратился к «жителям России» со своим словом («Обращение митрополита Сергея (Страгородского) 22 июня 1941 года»). Прочитав его в Интернете, я вдумался в его интеллектуально-нравственное содержание. Уже полвека не перестаю удивляться самому факту создания этого потрясающего феномена отечественной священности.

Понятие «священное» появилось в сталинской речи 3 июля 1941 г. В Речи «тов. В.М. Молотова 22 июня 1941 года» оно отсутствовало. Спустя годы я и моя жена, историк Магина Крымовна, не осмелились задать вопросы Вячеславу Михайловичу, который тогда говорил «от имени Советского правительства»: «Почему оно сразу же не назвало войну священной?», «Какая причина отвела Сталина от исторического обращения к народу?». Вспомнив молотовскую речь, супруга напомнила суждение о «событиях Отечественной войны 1812 года», призванное убедить Гитлера, что его режим кончит тем же, что и Наполеон, – бесславным поражением. Теперь уже многим известен интернетовский анализ речи Молотова.

Конец той речевой беды я услышал в потрясающей радости в стихотворении Давида Самойлова «Снегопад». Оно о таинстве предпочтения естественности и искренности.

Чего более всего вобрала в себя война?

До сентября 2019 г. я думал, что это – смерть. Но перенеся шестичасовую операцию и многочасовую боль в реанимации, пришёл к чудовищной мысли: смерть лучше жизни. Перед моими глазами предстали те герои, которые шли в атаку с возгласом: «За Родину! За Сталина!».

Грандиозный период в истории моей страны вобрал в себя неисчислимые масштабы боли и крови. Полнее представить это позволяет книга английского журналиста Александра Верта «Россия в войне 1941–1945». Она посвящена Памяти Мити Хлудова, 19 лет, павшего в июле 1944 г. [23].

Не являясь историческими исследованиями, книга А. Верта излагает личные впечатления автора. И это позволило ему отметить, что во всей

истории войн не было страны, которая выстрадала бы больше, чем Россия во время Второй мировой войны.

Число погибших – 27 миллионов – установлено, но нет ещё достаточно ясного представления о том, какой неизмеримой ценой была достигнута победа над нацистской Германией. Человеческая история этой победы есть потрясающая душу трагедия. Почти с самого первого её дня стало ясно, что это отечественная война.

Вот один из священных подвигов. После войны в забитом в ствол дерева патроне была обнаружена записка, оставленная умирающим солдатом, которого вместе с двенадцатью другими бойцами послали остановить продвижение немецких танков по Минскому шоссе: «И вот уже нас осталось трое... мы будем стоять, пока хватит духа... И вот я один остался, раненный в голову и руку. И танки прибавили счёт. Уже двадцать три машины. Возможно, я умру. Но, может, кто найдёт мою когда-нибудь записку и вспомнит. Я из Фрунзе, русский. Родителей нет. До свидания, дорогие друзья. Ваш Александр Виноградов. 22.2.1942 г.».

Задумавшись над предсмертным «До свидания», я вспомнил о мольбе перед смертью на кресте Иисуса: «Или́, Или́! Ламá Савах фани». В переводе она означает: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46; Мк. 15:34). Этот псалом 21 – человеческая боль. Возможно, кто-то до меня догадался об этом. Учítывая, что когда-то по человечеству прошло великое желание обезболивания: явился Христос. Он – это *боль человечества*, которой пришлось развернуться в войну 1941–1945. Кто разгадал вечную тайну Боли? Что же это такое, мир болезней и слёз? Вопросы к вечности и к христианству.

О том, что поставленный вопрос – остро злободневный, свидетельствует пандемия 2020 г.

Философам придётся проследить взаимодействие двух основных участников исторической драмы – граждан и воинов, а также взаимодействие мира и войны. Этому историческому опыту посвящено исследование Адама Фергюсона. Он противопоставил западный тип государства восточному деспотизму. Рассматривая предполагаемое величие наций, Фергюсон отметил у русских обладание всевозможными национальными достоинствами [17, с. 9, 295, 335].

Сегодня, когда я мысленно обращаюсь к страшным четырём годам, меня ужасает, объектом какого пренебрежения была тогда личность. Мне самому пришлось быть удручённым свидетелем жестокого жребия боли. Позором для человечества является преследование евреев.

Не уверен, что я могу говорить от имени всех русских, но мне кажется, что на нас лежит грех репрессий (с осени 1943 г. до середины 1944 г.) против шести малых народов Кавказа и Крыма. Постсталинское правительство извлекло уроки из прошлого. Впредь не должен возникать такой клубок причин, следствием которых является разъединение народов.

Война 1941–1945 гг. способствовала развитию национализма, которое рассмотрено главой Французской Академии Элен Каррер д'Анкосс [12].

Из двух вариантов отношения к национализму Сталин избрал радикальную его ликвидацию, отвергнув вариант возвращения национальных чувств в советское самосознание. Заменой его стало установление иерархии народов СССР во главе с главным русским народом, обладающим «отвагой, ясным умом и твёрдым характером». Любопытно вновь перечитать и задуматься над сталинской словесностью [9].

Спустя три четверти века можно вновь обсуждать вопросы-мысли: советские или русские? Смогут ли россияне снова прочувствовать боль человечества? Ответ: вселенская боль во Второй мировой войне; она не стала смертельной благодаря коалиции великих держав. Неужели она вновь востребована коронавирусом?

Живущим хранить благодарственную память. О чём думая?

Слово «священное» отсутствовало в речи заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова 29 июня 1941 г. При встрече с ним спустя три десятилетия я не осмелился задать ему вопрос: «Почему?». Хотя меня давно интересует дипломатия в конце 30-х гг. XX в., но я не решился спросить наркома иностранных дел о 1940-м г. Уже в начале немцы оккупировали Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию и половину Франции. В то же время СССР уже присоединил к себе часть Польши, Эстонию, Латвию и Литву, отторг у Румынии Бессарабию и часть территории у Финляндии.

Начиная с октября 1917 г. советская мысль испытывала значительное влияние того факта, что СССР является единственной социалистической страной в мире. В 1939 г. на XVIII съезде партии И.В. Сталин заявил, что СССР стоит за мир и укрепление отношений со всеми странами, в том числе с гитлеровской Германией. С этой страной СССР был вынужден даже заключить договор не ради передела мира, а ради выигрыша времени для подготовки к отражению неминуемой агрессии. Указанному договору предшествовал позорный Мюнхенский сговор, позволивший Гитлеру получить Чехословакию. Европейские державы отклонили советские предложения о коллективной безопасности в Европе, не пожелали также обсуждать проект Договора о взаимопомощи. После отклонения всех миролюбивых предложений Сталина жертвами гитлеровской агрессии стали Польша, Франция и другие европейские государства.

Советский Союз никак не поощрял агрессию Германии и сам стал её объектом. Наша страна не развязала Вторую мировую войну. Арнольд Тойнби сказал: война – это возмездие за провал дипломатии. К началу 40-х гг. она оказалась бессильной избавить человечество от огромного зла, каковым является война.

Современная Россия не нуждается в войне; мы не можем позволить себе её вести. «Бессмертный полк» взывает к самым активным антивоенным усилиям.

История великой войны располагает к размышлению о её философской составляющей. По примеру русских классиков современному мыслителю нужен библейский настрой. В Ветхом Завете Н.В. Гоголь находил «там каждое из нынешних событий». Вслед за Державиным Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Пастернак нашли свет разума в Новом Завете и разрабатывают Третий Завет. Циолковский и Вернадский выработали предпосылки для теории об Информационно-Энергетическом Космосе (ИЭК), то есть о Боге.

Сакральное требование Откровения победить варварство в Европе было исполнено советской цивилизацией.

Многонациональный народ СССР, который вывел на историческую арену «естественного главу России» в двух лицах – вождя ГКО и Патриарха РПЦ. Они стали руководителями трёх взаимосвязанных процессов: 1) осуществлением триады инстинктов – веры, любви и надежды; 2) интеллектуальной деятельности во всех сферах военного времени и 3) нравственного подвижничества.

Победа мировой цивилизации над фашистским варварством раскрыла «величие духа в войне», о котором писал немецкий военный теоретик Клаузевиц. Отечественная война идеологического государства с государем И.В. Сталиным против тоталитарного германского государства с фюрером Гитлером даёт урок «закона совершенного, закона свободы», который требует исполнения дела. Новый Завет обещает тем, кто «вникнет» в него, что тот «блажен будет в своём действовании» (из послания ап. Иакова).

В рядах Красной Армии мы участвовали в священной войне, которая была проявлением Высшего начала, требующего исполнения солдатского долга. Посредством фактов Верховного Главнокомандования всему советскому многонациональному народу открылось Откровение [9]. Поэтому деятельность И.В. Сталина лучше рассматривать не с точки зрения добра и зла, а с точки зрения «священного». Она, по словам Э. Бенвениста, «ясно показывает позитивный и негативный аспекты значения» [3, с. 343–359]. Одни действия Сталина были одушевлены «священной силой и священнодействием», а другие с точки зрения «священного» были тем, «с чем не дозволено вступать в соприкосновение» [3, с. 359].

У человечества был шанс избежать мировой войны. Она была действительно всеобщей. Но христианский Рим всё же не стал полем сражения [11]. Считаю своим долгом помнить пред Абсолютом о жертвах трагических событий и почитать мёртвых. Конечно же, прощаю все причинённые мне обиды.

Как задействован нравственный идеал?

Спустя многие годы после войны, будучи ответработником ЦК КПСС, я встречался с литераторами, словесность которых можно назвать сегодня авторством гениев. Они обладали большим талантом, оценённым военным

временем. К. Симонов, Н. Тихонов, А. Твардовский, А. Сурков, М. Исаковский, Б. Пастернак стреляли в цель, которую не видели другие, и попадали в неё. Одним росчерком пера они обозначали точки в отечественной траектории двух тысячелетий. В этих точках были такие слова, как жизнь, родина, любовь, свобода, справедливость. Рождаемые работающим талантом, эти сокровенные понятия свидетельствовали: гении творили антитезу разрушительству.

Духовное состояние настоящих интеллектуалов сводилось к содержанию их веры. У них она не сводилась ни к религиозному сознанию в догматике, ни к убеждениям и оценкам вообще. Их нравственная вера охватывает всего человека и признаёт высшие цели и ценности. Вера, тождественная истинности, духу, делала войну служением.

В 1942 г. на всю страну прозвучали знаменитые стихи Константина Симонова и особенно стихотворение «Жди меня». Поэт обещал женщине будто от всех мужчин: «...и я вернусь, / Всем смертям назло...». В поэтическом воображении она «среди огня ожиданием своим» спасает воина:

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Стихотворение очень быстро завоевало сердца людей. Бойцы, сидя в окопах, переписывали его, заучивали наизусть и посылали в письмах невестам и жёнам. Симоновское признание находили в нагрудных карманах раненых и убитых. В лирике поэта, ставшего знаменитым на фронте и в тылу, люди видели точное выражение своих дум, чувств и чаяний. Мне особенно близки послевоенные произведения гения: «Друзья и враги», «Живые и мёртвые», «Солдатами не рождаются».

Я также не родился красноармейцем, но стал им. Вечно помня товарищей-зенитчиков, я странным образом вслух произносил симоновские слова: «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...». «Ты помнишь, старуха сказала: – Родимые, / Покуда идите, мы вас подождём». Вспоминая войну, К. Симонов в 1971 г. писал: «Война... Как эти вдовы, с нею, / Наверное, повенчан я». Поэт «Вновь, с камнем памяти на шее, Топлю в себе – тебя, война». По примеру Константина Михайловича я связан с «живыми и мёртвыми». Они бессмертны, и мне хочется, чтобы герои остались в памяти грядущих поколений. Для них была обеспечена победа в великой войне и жизнь на земле. Мне приходит на память завещание К.М. Симонова – развеять его прах над Буйническим полем в Белоруссии. На мемориальной доске такие же слова: «Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года...». Над этим же местом развеян прах его жены, которая навеки осталась вместе с мужем... Мне на память приходит симоновское стихотворение «Родина».

Алёша, к которому обратился К. Симонов, помнивший трагедию «дорог Смоленщины», – поэт Алексей Сурков. Он воспел ратный солдатский

труд; создал трагической осенью 41-го «Песню смелых» и знаменитую песню «Землянка» («Бьётся в тесной печурке огонь...»). Его фронтовые стихи – упругие, жёсткие, отчётливые – закаляли сердца воинов и вооружали их ненавистью к врагу.

Примеру К. Симонова и А. Суркова, которые в числе первых обратились к воюющему народу с философской триадой веры, надежды и любви, последовали многие поэты. Михаил Исаковский, который вырос в «захолустной стороне», побывал «В прифронтовом лесу» (1942), поделился печалью после того, как «Враги сожгли родную хату...» (1945). Упомянутая триада ценностей донесена до слуха миллионов людей стихотворениями «Лучше нету того цвету...», «Русской женщине», «Услышь меня, хорошая...».

Спустя почти восемь десятилетий, я ищу не замеченные тогда философские суждения в военной поэзии. Николай Рыленков: «На войне пути судьбы разведав...»; «Кувшин, в кургане найденный, и фреска...»; Дмитрий Кедрин: «Красота» (1942). У русских крестьянок поэт встречал «гордые лбы винчианских мадонн». «Синие звёзды очей» напоминали ему вдохновенные картины Васнецова. Перед его глазами – репинские «Бурлаки». На втором году войны осенило понимание: «...вся красота – Только луч того, солнца, чьё имя – Россия!».

Перечитывание лирики Всеволода Рождественского меня немало удивляет: ополченец-фронтовик вдохновлён философской природой: русский Север скромн, трогателен, одухотворён. Как ощущение полного счастья в душе поэта, воина трёх фронтов, живут «гроздь брусники», «запахи грибов», «прелых листьев». Наряду с темой природы у мыслителя и другие «пристрастия»: «вековой народный созидательный труд, народные искусства».

Моё восхищение «Третьяковкой», ожидание на скамейке в Лаврушинском переулке потрясло случайной встречей с матерью поэта Иосифа Уткина. Кое-что патриотическое из его ценных стихотворений я помнил, зная о его гибели в 1944 г. Но его мама, спустя много лет, ожидала его возвращения к ней. Сколько же матерей надеялись, что их сыновья вернутся домой?

Почётная судьба солдат – стоять «на страже нашего герба» (Я. Смеляков). Для миллионов воинов служение долгу вдохновляло их на подвиги, вливалось в человека неукротимую энергию.

...Я родился в Пятигорске, у подножья Машука, и позволю себе сравнить переживаемые нами идеалы с силой, которая движет горами. В дни войны не заметили «гору» поэзии Давида Самойлова и её не публиковали. Выборочно видели свет «Бессмертные люди» Андрея Платонова. Расставаясь в 1942 г. с «Памятником Лермонтова» в Пятигорске, я не предполагал, что он будет спрятан во время оккупации города в католическом храме. И лишь после смерти отца Иосифа Ивановича, участника двух войн, узнал, что он, большевик с 1918 г., был убеждённым католиком.

Какие русские глаголы попали в «Летопись мужества»?

Первый ответ дан митрополитом Сергием. Он напомнил православным христианам о «кровных заветах любви к своему отечеству». Первый завет выражается глаголами верить и любить. Человек пользуется своим превосходством над природой «не для своего только, но и для её собственного возвышения» [14, с. 427].

Второй завет – надо верить – утверждается отечественной соборностью, доброжелательными отношениями между людьми. Третий завет возвышает «душу человеческую», которая, по убеждению Н.А. Бердяева, стоит больше, чем государства, обычаи, нравы и весь внешний мир.

Тут встаёт труднейшая задача – охватить умом действие глагола «любить» в войну. И я пытаюсь расставить лишь вежи, открывая «дверь» к самостоятельному пути этого глагола. Разумеется, раскавычивать названное слово помогут афоризмы. Они высказаны поэтами, которые задавались вопросами о том, как растёт в войну духовность, слившись с любовью воинов. Почти полвека назад Вл. Соловьёв утверждал, что любовь человеческая побеждает даже смерть.

Любовь к Родине и ненависть к её врагам возрастали потому, что больше было мучений и страданий. Враг оккупировал большую территорию, захватил три столицы республик – Киев, Кишинёв, Минск – и блокировал Ленинград.

В блокадном городе на Неве потрясающе великой оказалась повсюду звучащая любовь мужественного поэта Ольги Берггольц. Корреспонденции Ильи Эренбурга стали наиболее замечательным публицистическим документом сурового времени о росте величия Любви [20]. Настоящий патриотизм не спутаешь ни с чем, он понятен, поскольку рождён всенародным страданием. Мне кажется теперь, что в бесчисленных мигах мужества были века страданья.

Любовь героев Советского Союза мужественная; она связана с идеями Красоты, Правды и Добра. В стране за четверть века было создано общество, где огромная масса граждан, защитивших своё Отечество. Миллионы женщин, мужья и женихи которых воевали на фронте, были мудрей официальных философов, не познавших смертной любви к своему народу. Анна Ахматова сказала: «...все, кого ты вправду любила, / Живыми останутся для тебя». Женская любовь, которую ощутил красноармеец, возлагала на него громадные обязательства. Верно сказано Александром Блоком: «Только влюблённый имеет право на звание человека».

«Право на звание человека», но не «злодея» имеет И.В. Сталин – Главнокомандующий армией Советского Союза. Сталинская любовь к русскому народу неотделима от его любви к Иисусу Христу. Эта любовь воистину настоящая, не преуменьшая ни самой сущности любви, ни искреннего патриотизма.

Любящим русский народ был не только Сталин. Совершенно не отделял себя от народа также и И.Г. Эренбург. Замечателен его труд «Люди, годы, жизнь» [20]. Военными годами Илья Григорьевич дорожил «пуще всего», поскольку никогда не испытывал «такой связи с другими»: «...вместе со всеми я горевал, отчаивался, ненавидел, любил. Я лучше узнал людей, чем за долгие десятилетия, крепче их полюбил».

И.Г. Эренбург узнал, что мирный народ воевал с таким ожесточением, потому что ненавидел войну; люди шли вперёд «как защитники жизни, свободы, человеческого достоинства» [19].

Корреспонденции Эренбурга – замечательные публицистические документы очень сурового времени – свидетельствуют о тяжелейших испытаниях и негибаемом мужестве людей.

Спустя почти восемь десятилетий, я размышляю над удивительной силой журналистики. Её фундаментом является ненависть, которую испытывал Эренбург к фашизму. Звериный, самодовольный лик последнего он увидел во Франции и описал его в книге «Падение Парижа» (1940). Я вновь через четыре десятилетия читаю его книгу корреспонденций «Летопись мужества». Американская газета «Нью-Йорк дейли Трибюн» признала, что изображённый в книге И. Эренбурга «русский народ заслуживает любви». От имени советского народа, ожидавшего открытия «второго фронта», Эренбург взывал к «военной мудрости» и «человеческой морали» союзников.

Нам, философам, психологам, социологам, предстоит ломать себе голову, чтобы отыскать смысл великой войны в глаголах: постигать, верить, любить и мерить. Они выделены в «Певущем зове» Сергея Есенина.

Другие глаголы озвучены женщиной, которая не нравилась Есенину. Анна Ахматова, живя согласно есенинской тетраде глаголов, произнесла под вой сирен в осаждённом Ленинграде:

Не страшно под пулями жертвами лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

«Навеки». Перед глазами вновь родной город пяти гор. Там в Тингинском полку служил поручик Михаил Лермонтов. Полк начал в дальнейшем старинную традицию русской армии: на поверке перед строем полка командир называет имя солдата. Правофланговый отвечал: «Пал смертью храбрых в боях за Родину!».

«Родина» для современных глобалистов означает объект внешнего управления, а не субъект отчизников, которые предпочитают глагол «служить» Отчизне.

Как держался Сталин между Иисусом и Лениным

О том, что отец Светланы Аллилуевой более всего любил Россию и Христа, я узнал из её уст. Я поверил и продолжаю верить дочери И.В. Сталина. Мне довелось трижды работать над документами на сталинской даче в Кунцево (Ближняя, Волынское). Сюда Вождь приехал через два дня после начала войны. 30 июня 1941 г. создан Государственный Комитет Обороны во главе со Сталиным. С одним из членов ГКО В.М. Молотовым мне довелось встретиться спустя три десятилетия после молотовского сообщения о начале войны.

И.В. Сталин, находясь полвека между Лениным и Христом, сам о себе порой говорил в третьем лице. Именно этот сакральный Лик свидетельствует о его промежуточном положении. Открыто признаться в своём принципиальном отторжении ленинского «воинствующего материализма» вождь атеистической партии, разумеется, не мог. Публичного заявления о своей приверженности христианству им не было сделано.

Почти 60 лет я раздумываю над услышанной от дочери Сталина сенсации: папа серьёзно отчитал её за грубое непочтение книги Ренана об Иисусе Христе. Теперь я гадаю, когда это точно произошло и как ленинец обнаружил, что призыв к религиозному сознанию человека способен возыметь гораздо больший эффект, нежели упоминание имён атеистов – Маркса и Энгельса.

В первом сталинском обращении к народу 3 июля война названа «священной», что предопределило обратиться к «братьям и сёстрам» вместо «пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Вспоминаю, что Апостольское послание папы Иоанна Павла II в связи с пятидесятилетней годовщиной начала Второй мировой войны начинается словами «Мои братья», «Сыновья и Дочери Церкви».

И.В. Сталиным упомянуты имена Плеханова, Ленина, Белинского, Чернышевского, Толстого, Глинки, Чайковского, Чехова, Лермонтова... Первый – гуманист и социал-демократ; второй – большевик-радикал; двое следующих – революционные демократы; остальные – классики русской культуры. Упомянуты были два полководца – Суворов и Кутузов.

Вопрошая далёкое прошлое, Сталин попросил следовать «славному примеру Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского». Названный патриотический пантеон великого русского народа призван был для мобилизации общества в сражениях с захватчиком.

Можно было не называть Иисуса Христа, поскольку Александр Невский олицетворял себя с Ним, сказав, что не в силе Бог, а в правде. Рядом с Дмитрием Донским были христианские монахи. В сталинском лексиконе чувствовались не слабость, а сила духа и души. Помню, что звучание первой речи и последующих у нас, слушателей, оставило неизгладимый след. Улетучились иллюзии под давлением таких слов, как партизанская война,

ополчение, оккупированная территория. Приказали долго жить термины «интернационализм», «коминтерн», «атеизм».

Воюющее государство, возглавляемое сталинским ГКО, признало свои исторические связи с разными конфессиями; освободило из тюрем и лагерей священнослужителей. Победа в Сталинградской битве позволила наконец-таки избрать патриарха РПЦ (у неё с 1926 г. не было главы). Вокруг патриарха могли объединиться братья и сёстры Церкви, а также славянские народы.

Качественное изменение политико-идеологического курса благотворно сказалось и на мусульманских народах; с 1942 г. Сталиным закладывается основание и мусульманского патриотизма. У мусульман появляется долгожданный муфтий. Что касается еврейского сообщества, то его чаяния удовлетворены были частично, а после войны Сталин решает не возвращать национальные чувства евреев в советское самосознание. Вождь стал всячески подавлять любой национализм.

Изучение работ советских военачальников подводит к выводу, который чётко сформулирован Г.К. Жуковым: И.В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности И.В. Сталина как Верховного Главнокомандующего особенно раскрылись, начиная со Сталинградской битвы [6–8].

Всемирная и отечественная история поставила И.В. Сталина не только между религией и наукой, с одной стороны, и идеологией марксизма-ленинизма, с другой, но и между разными историческими эпохами. Понять, как ему удалось разрешать существенные противоречия, довольно сложно. В индустриальном и культурном планах он добился качественного скачка в советской цивилизации. Нельзя было решить жизненно важные цели при отсутствии у страны «естественной главы» (М.А. Волошин). Что касается И.В. Сталина, то ему удался и синтез учений Христа и Ленина, и союз русскости с советскостью. Умом сталинское сочетание противоположностей не понять. Нужно нечто и от жизни Христа, и от жизненного трагизма России.

Гениальный поэт Осип Мандельштам в эпиграмме на Сталина верно заметил: «Мы живём, под собою не чуя страны...». Жертвенную смерть во имя Родины ему пришлось принять в 1938 г., предчувствуя годами ранее: «И губы оловом зальют». В канун войны философ Георгий Федотов от имени русского зарубежья призвал к борьбе против сталинской деспотии. Приходится признать, что с самого начала фашистского вторжения диктатору Сталину удалось гальванизировать чувство национального единения [21–22]. Диктатура превратилась во всенародный суровый монолит.

Зачем задействована мистика?

Возникло вопрошание о том, каким образом реальная мистика постигает смысл войны. Задумавшись, вспомним трактовку мистики и мистицизма Вл. Соловьёвым. Эти понятия есть таинственные носители культуры. Военное время принесло с собой совокупность явлений и действий, которые сакральным образом связывали людей с таинственными силами мира. 72 года изучения места И.В. Сталина в его среде убедили меня в том, что его личность обладала сильным властным внушением и олицетворяла власть страха. Он был бесспорно настоящим православным человеком. Рамки статьи не позволяют мне включить воспоминания лиц, которые работали рядом с хозяином Ближней дачи (микрокосма Кремля, Москвы, СССР).

Глава правительства И.В. Сталин вместе с главой РПЦ митрополитом Сергием составили «одного» естественного правителя страны. Главный большевик отказался от традиционного «товарищи» и обратился к «братьям и сёстрам». Он не стал наполнять марксистско-ленинским содержанием свою прежнюю «опору» на идеалы братства и равенства. В сталинских устах звучал призыв к национальной гордости не только русской, но и других народов СССР. Вновь перечитывая сталинские обращения, я чувствую мистическую тройственность: естественности, божественности и демонизма.

Но более всего меня изумляет сталинский мистицизм со словоупотреблением понятий: «родина», «народ» и «имярек». Многолетняя дума по поводу великих носителей культуры позволяет предположить, однако, ещё нечто иное: осознание православной основы русского бытия. Даже ему, всесильному правителю, нельзя было вновь ввести в оборот и «Святую Русь», и «народа-богоносца». Позволительно было уступить первое место Петру Струве. Вслед за ним Сталин отчётливо осознал себя главным русским патриотом, который придерживается веры в божество. Оно представлялось в лице могучего государя государственности. Главнокомандующему позволено было ввести духовное величие в сакральный смысл войны.

Сходную работу проводил в писательском цеху Андрей Платонов, который, подобно Пушкину, заимствовал у народа свой «дух, творческую, торжествующую и оживляющую силу»... А. Платонов находился в сражающейся армии. Его военные рассказы целиком проникнуты мыслью о спасении Родины от коварного и жестокого врага. Исследователи платоновского творчества обобщили ёмкий образ отечественного ратника Великой войны, который впитал самое ценное, чем прославили себя его предки. Героика и мужество воинов сопровождали ратный строй России. «Страна философов» Андрея Платонова, обладая своим нравственным императивом, поднимает значение исторической памяти о войне.

Светлана Семёнова, достойная нашей светлой памяти, признала: «самое поразительное» у Платонова то, что в его военных рассказах «о войне, об убийстве и смертях» рассказывается «не просто о жизни, а о жизни бессмертной, вечной». К примеру, в рассказе «Офицер и солдат» я вижу опыт прорицательной мистики. Вспоминая себя красноармейцем, я воспроизвожу в голове эпизоды платоновской прозы в Великой Отечественной войне. Ведь они удивительным образом открывают символику – сокровенную, храмовую и житийную. Удивляться – значит начать философствовать по поводу «святых видений», которые открываются перед героями боёв.

Высокая классика исполнения священного долга воплощена в образах солдат, офицеров и командующих войсками. В моих глазах пребывает Лик маршала К.К. Рокоссовского, которого я поблагодарил за его книгу «Солдатский долг».

Философы ещё не высказались и по поводу подвига Ольги Берггольц, русской немки, в которой проявилась двойственность чувства глубочайшего патриотизма. Удивление перед ним способно вдохновить философов на раскрытие духовного чуда военного времени.

Глагол «верить» в душевной духовности советской поэзии соединял патриотизм нации с религией, с верой в то, что она превосходила официальную идеологию. Военное бытие приготавливало почву для того, чтобы мы в XXI в. приготавливались к усвоению истинных идей веры и меры. Они, по словам В.С. Соловьёва, выводимы из сущности христианского начала «в силу естественной любви и нравственных обязанностей к своему отечеству» [18, с. 350]. Поэтому актуально звучит убеждение Зинаиды Гиппиус: «Россия спасётся, – знайте! И близко её воскресенье».

В чём же воскреснет реально-сакральная русскость? Ответ дан государем Российской Федерации.

Правда истинна сама по себе, выражает то, что есть. Действительность постигается душевно и духовно. Душа (ум, чувства, воля) и дух (совесть, интуиция, общение) могут представлять истину – правду только как искомые. Великая Отечественная война востребовала правдивую, искреннюю ключимость России. В стране повторяющихся испытаний сущее понимается до абсолютного существа в ИЭК (Информационно-Энергетическом Космосе). При раздумье это – мистика, Божество.

Божественный пиит А.С. Пушкин, отвечая на требования Откровения, обратил внимание на «два чувства», которые «дивно близки» россиянам всех времён: на любовь «к родному пепелищу» и к «отеческим гробам». Им представлена расшифровка кода отечественной ключимости всех времён: слитность дома, семьи, родины, отчизны. Это человечность в человеке. Их совокупность есть реальная мистика.

Высокоцитимый русско-советский литератор Игорь Дедков записал в своём Дневнике: «Перед лицом неизвестности кому взывать как не к судьбе, не к Богу – надежде на светлую судьбу. И в глубине души, втайне или открытую, вслух, не скрываясь и не боясь публичности, – всё равно все мы молимся, так и этак, потому, что опоры у человека нет, кроме веры».

Таковой была сакральная весть – 1968 – из атеистического журнала «Коммунист» [5, с. 109].

Без задействования Откровения и Мистики при изучении Великой Отечественной войны мы не уясним её священного характера. Вместе с многоэтничностью религиозность выражала ФАКТ БОГОЯВЛЕНИЯ (ИЭК) в жизненном трагизме Советского Союза. Через полвека государственный атеизм почил вечным сном.

Список литературы

1. Ахматова А. Стихотворения / Сост. и вступ. статья Н. Банникова. М.: Советская Россия, 1977. 527 с.
2. Белادي Л., Краус Т. Сталин. М.: Политиздат, 1989. 316 с.
3. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
4. Гоголь Н.В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. 557 с.
5. Дедков И.А. Дневник. 1953–1994. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 789 с.
6. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1. М.: Новости, 1983. 302 с.
7. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. М.: Новости, 1983. 327 с.
8. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 3. М.: Новости, 1986. 351 с.
9. И. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Военное изд-во Министерства Вооружённых Сил Союза ССР, 1948. 208 с.
10. Имена на поверке: Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны / Сост. и авт. предисл. С. Наровчатов. Мурманск: Кн. изд-во, 1966. 152 с.
11. Иоанн Павел II. Мысли о земном / Пер. с польск. и итал. М.: Новости, 1992. 420 с.
12. Каррер д'Анкосе Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 года до наших дней / Пер с фр. А.А. Пешкова. М.: РОССПЭН, 2010. 431 с.
13. Обращение И.В. Сталина к народу // Правда. 1945. 10 мая.
14. Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. 892 с.
15. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный / Ред.-сост. Н.В. Корниенко. М.: Наследие, 2000. 960 с.
16. Три века русской поэзии / Сост. Н.В. Банников. М.: Просвещение, 1979. 863 с.
17. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. М.: РОССПЭН, 2000. 389 с.
18. Философский словарь Владимира Соловьёва / Сост. Г.В. Беляев. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 464 с.
19. Эренбург И.Г. Летопись мужества: публицистические статьи военных лет / Предисл. К. Симонова. М.: Советский писатель, 1983. 351 с.
20. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Кн. 5 и 6. М.: Советский писатель, 1966. 749 с.
21. *Le Grand Défi*. Encyclopédie Comparée USA-URSS. Vol. 1 / Publiée sous la direction de Marc Saporta et Georges Soria. Paris: Robert Laffont, 1967.
22. *Le Grand Défi*. Encyclopédie Comparée USA-URSS. Vol. 2 / Publiée sous la direction de Marc Saporta et Georges Soria. Paris: Robert Laffont, 1968.
23. Werth Alexander. Russia at war 1941–1945. New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 1964. XXV, 1100 p.

HISTORICAL ANTHROPOLOGY

Petr SIMUSH

DSc in Philosophy, Professor

Senior research fellow. RAS Institute of Philosophy.

12/1 Gonchamaya Str., Moscow 109240, Russian Federation;

e-mail: simush@inbox.ru

NATIONAL WARTIME USEFULNESS: HOW IS IT SANCTIFIED BY ETERNITY?

Wartime (1941–1945) reveals an incomprehensible Russian usefulness three-quarters of a century later. The quality and properties of Russia are determined by its trajectory of two millennia, not one. Therefore, its meaning and mystery of the great Patriotic war can only be understood thanks to the Holy Scripture. N.V. Gogol insisted on this who saw the events of national history “clearer than day” through crimes “before God”. In Gogol’s words, “the last judgment of God” took place over the aggression of Germany. As a result, the great Victory will “wake up the present” [4].

The author’s philosophical view is presented as a concept: the time of the great war is first studied in the light of the two-thousand-year trajectory of the Fatherland. It was started by St. Andrew the First-called. National usefulness treated after V.I. Dahl. The qualitative properties of “usefulness” generalizations can be traced in the concepts of “Russianness”, “all-Russianness” and “Sovietness”. Eternity sanctified wartime, which became the pinnacle of the sacred Spirit. The sanctity of war is considered comprehensively, based on history, science, religion, philosophy, and art.

Keywords: war, the ambivalent sacredness, military usefulness, homeland, patriotism, spiritual spirituality, gratitude memory, naturalness, humanity, energy-informational space

References

1. Akhmatova, A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1977. 527 pp. (In Russian)
2. Belady, L. & Krausz, T. *Stalin* [Stalin]. Moscow: Politizdat Publ., 316 pp. (In Russian)
3. Benveniste, E. *Slovar' indoevropeiskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow: Progress-Univers Publ., 1995. 456 pp. (In Russian)
4. Carrère d'Encausse, E. *Evrasiiskaya imperiya: istoriya Rossiiskoi imperii s 1552 goda do nashikh dnei* [The Eurasian Empire: the History of the Russian Empire from 1552 to the Present Day], trans. A.A. Peshkova. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2010. 431 pp. (In Russian)
5. Dedkov, I.A. *Dnevnik. 1953–1994* [Diary. 1953–1994]. Moscow: Progress-Pleyada Publ., 2005. 789 pp. (In Russian)

6. Ehrenburg, I.G. *Letopis' muzhestva: publitsisticheskie stat'i voennykh let* [Chronicle of Courage: Publicistic Articles of the War Years]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1983. 351 pp. (In Russian)
7. Ehrenburg, I.G. *Lyudi, gody, zhizn'* [People, Years, Life], Vol. 5–6. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 749 pp. (In Russian)
8. Ferguson, A. *Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva* [Experience in the History of Civil Society], trans. I.I. Myurberg. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2000. 389 pp. (In Russian)
9. *Filosofskii slovar' Vladimira Solov'eva* [Vladimir Solovyov's Philosophical Dictionary], ed. G.V. Belyaev. Rostov-on-the-Don: Feniks Publ., 1997. 464 pp. (In Russian)
10. Gogol', N.V. *Dukhovnaya proza* [Spiritual Prose]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1992. 557 pp. (In Russian)
11. *I. Stalin o Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soyuza* [I. Stalin on the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow: Military Publishing House of the Ministry of the Armed Forces of the USSR, 1948. 208 pp. (In Russian)
12. *Imena na poverke: Stikhi voinov, pavshikh na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny* [Names on Rollcall: Poems of Soldiers Who Fell on the Fronts of the Great Patriotic War], ed. S. Narovchatov. Murmansk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966. 152 pp. (In Russian)
13. John Paul II. *Mysli o zemnom* [Thoughts about the Mundane]. Moscow: Novosti Publ., 1992. 420 pp. (In Russian)
14. Le Grand, Défi. *Encyclopédie Comparée USA-URSS*, Vol. 1, publiée sous la direction de Marc Saporta et Georges Soria. Paris: Robert Laffont, 1967.
15. Le Grand, Défi. *Encyclopédie Comparée USA-URSS*, Vol. 2, publiée sous la direction de Marc Saporta et Georges Soria. Paris: Robert Laffont, 1968.
16. "Obrashchenie I.V. Stalina k narodu" [I.V. Stalin's Address to the People], *Pravda*, 1945, 10 May. (In Russian)
17. Solovyov, V.S. *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 892 pp. (In Russian)
18. "Strana filosofov" *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" by Andrei Platonov: Problems of Creativity], Vol. 4, ed. N.V. Kornienko. Moscow: Nasledie Publ., 2000. 960 pp. (In Russian)
19. *Tri veka russkoi poezii* [Three Centuries of Russian Poetry], ed. N.V. Bannikov. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1979. 863 pp. (In Russian)
20. Werth, Alexander. *Russia at war 1941–1945*. New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 1964. XXV, 1100 pp.
21. Zhukov, G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections], Vol. 1. Moscow: Novosti Publ., 1983. 302 pp. (In Russian)
22. Zhukov, G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections], Vol. 2. Moscow: Novosti Publ., 1983. 327 pp. (In Russian)
23. Zhukov, G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections], Vol. 3. Moscow: Novosti Publ., 1983. 351 pp. (In Russian)